

го будетъ перелъ нами новыхъ горькихъ чашъ слезъ и крови, но милость Господня не отнята отъ Россіи и мы переживемъ это тяжелое испытаніе, которое еще болѣе укрѣпитъ святую Русь. Пока Господь Богъ Своимъ Архистратигомъ и Небеснымъ воинствомъ Своимъ будетъ хранить Своего Помазанника Батюшку Царя и помогать Ему въ великомъ служеніи, до тѣхъ поръ—живъ Господь Богъ. Вышніе враги будутъ побѣждены, а внутренніе сами убѣжатъ въ свои подполья. Дерзкія руки посягнувшія ея святую Богомъ хранимую Русь будутъ достойно наказаны. Богъ насъ любить и не оставитъ. Съ нами Богъ, разумѣйте всѣ напавшіе на насъ враги и познайте свое безсиліе предъ крѣпкой Десницей Божіей.

Господь послалъ намъ испытаніе, но Онъ же и поможетъ намъ выйти изъ него; какъ ни тяжелы бѣдствія, они пройдутъ; какъ ни грозны тучи надъ родимой землей, онѣ разсѣются и вновь возсіяютъ свѣтлые лучи солнца. Больно и тяжело было отдавать родныя мѣста на поруганіе неприятелю, снимать колокола съ родныхъ храмовъ, но наступитъ день, когда вновь зазвонятъ колокола, освѣтятся оскверщенные храмы и запоетъ благодарную побѣдную пѣснь.

Послѣ всего пережитого, полюбятся слезы радостнаго умиленія и будетъ великій день, радостный какъ Пасха,—спасенія Россіи отъ плѣна современнаго фараона. Страшенъ ожидаетъ судъ Божій надъ коварными и жестокими врагами. Они подобно древнимъ ассирійцамъ, мечтавшимъ завоевать вселенную, рукой Всемогущаго будутъ сокрушены и никто не пожалѣетъ ихъ.

Игумень Серафимъ.

Кто можетъ не любить родную отчизну*).

„О, родина святая, какое сердце не дрожитъ тебя благословляя“? Такъ нѣкогда воскликнулъ нашъ русскій поэтъ Жуковскій. Эта любовь къ родинѣ должна вскармливаться въ человѣкѣ съ молокомъ матери. Не достоинъ человѣческаго званія тотъ, кто не любитъ своей родимой отчизны, ибо какъ онъ можетъ тогда любить людей. Только тотъ, кто не вѣритъ въ Бога, не ходитъ въ церковь, является предателемъ своей отчизны, не признаетъ ее, смѣется и издѣвается надъ ней. Вѣрующій въ Бога человѣкъ любить свою родину, болѣе чѣмъ самого себя. Онъ въ годы тяжелыхъ испытаній идетъ на защиту родной земли, не жалѣя жизни своей. Не говорилъ ли горячо любящій родину св. князь Михаилъ Тверской**), супругъ св. Анны Кашинской, когда ему грозила смерть за родину: „Если я не исполню приказанія хана, онъ станетъ опустошать область мою. Лучше же мнѣ положить душу свою за

---

*) Слово, произнесенное 18 марта 1916 г.

**) Память 22 ноября.

многія души“. Такова истинная любовь къ отечеству, самоотверженная, не жалѣющая жизни своей. Она ведетъ насъ по вѣрной дорогѣ въ Царство Небесное, давая силу жизнью своею жертвовать за други своя. Эти люди удостоиваются преимущественной любви и милосердія Божія. Господь употребляетъ особия, чрезвычайныя средства для спасенія вѣрныхъ своему долгу людей. Этотъ подвигъ—величайшій подвигъ жизни и ведетъ черезъ крестъ временныхъ страданій къ вѣчной радости. О такихъ людяхъ заботятся и небожители, оберегаютъ ихъ отъ злыхъ духовъ и людей.

Приведу одинъ весьма трогательный разсказъ, какъ явились загробные ходатаи за храброго воина.—„Въ одномъ изъ московскихъ монастырей поступилъ іеромонахъ вдовый и престарѣлый священникъ изъ полковыхъ. По нѣкоторомъ времени предался онъ слабости—пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ. На увѣщанія архимандрита онъ слезно каялся и зарекался пить, однако, неоднократно нарушалъ свой зарокъ. Архимандритъ вынужденъ былъ войти къ митрополиту Филарету съ донесеніемъ и предложеніемъ запретить слабому іеромонаху священнослуженіе. Владыка рѣшилъ запретить виновному іеромонаху священнослуженіе, но резолюція не была еще написана, и вотъ послѣ дѣль и обѣда митрополитъ Филаретъ легъ на диванъ для кратковременнаго отдыха. Лишь только смежилъ онъ глаза въ легкомъ снѣ, какъ видитъ своего бывшаго любимаго Владыку приснопамятнаго Платона. Является онъ къ нему, какъ бы въ прежнее время, въ своемъ любимомъ Виоанскомъ саду, одѣтый въ легкую и простую рясу, съ бархатной скуфейкой на головѣ и, просительно глядя на Филарета, говоритъ ему: „Василій Михайловичъ! (такъ звали митрополита Филарета въ міру) прости ты прегрѣшившаго отца Ивана!“ И едва хотѣлъ Василій Дроздовъ, какъ бывало, повергнуться къ стопамъ любимаго святителя, какъ видѣніе исчезло, и самъ митрополитъ Филаретъ возбудился и открылъ глаза, будучи еще объятъ живостью всей обстановки посѣтившаго его видѣнія. „Какой такой прегрѣшившій отецъ Иванъ?—подумалъ владыка,—много у меня отцовъ Ивановъ!“ За разными дѣлами забылъ объ этомъ видѣніи въ тотъ вечеръ митрополитъ Филаретъ и такъ легъ спать. И въ эту же ночь видитъ владыка второй необыкновенный сонъ: является къ нему императоръ Александръ I въ походномъ генеральскомъ сюртукѣ и въ треугольной шляпѣ съ перьями такъ, какъ былъ въ великомъ походѣ противъ Наполеона I,—и тоже проситъ Филарета: „Не клади гнѣва, владыка, на моего храброго отца Иоанна!“—„Сердцевѣдче Господи!—думаетъ проснувшійся отъ этого сна владыка.—Кто такой отецъ Иоаннъ, что вотъ уже въ другой разъ души усопшихъ изъ горнихъ селеній приходятъ просить меня о немъ?“ Послѣ этого Филаретъ снова заснулъ, и по маломъ времени изъ сонной, подобной смерти, тьмы сознанія выяснился передъ нимъ третій величавый образъ,—образъ фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго. Славный побѣдитель Наполеона предсталъ предъ владыкою старымъ и изможденнымъ краткою, но смертельною болѣзнію своею, поразившею его во время погонки за отступавшимъ великимъ полководцемъ, и тоже обратилъ къ Филарету просительныя слова: „Не входи въ судъ, владыка, снизойди къ слабости духовника моего Ивана!“ И только было хотѣлъ митрополитъ воздѣть руку для благословенія болящаго старца, образъ его какъ бы растаялъ во мглѣ, и Филаретъ снова пробудился.

Уже брезжилъ свѣтъ утра; пора было и вставать. Сильно взволнованный такими необычными снами, владыка всталъ передъ образами и въ усердной молитвѣ просилъ у Бога вразумленія.

Съвши по нѣкоторомъ времени за дѣла, первое, что увидѣлъ владыка, было дѣло о неисправномъ іеромонахѣ Іоаниѣ, присужденномъ къ запрещенію. Филарета сразу осѣнило:

— Вотъ онъ! Это и есть тотъ самый іерей Іоаннъ, чья судьба потревожила души великихъ людей въ ихъ вѣчномъ упокоеніи и заставила ихъ явиться ко мнѣ, недостойному, съ просьбами... Онъ изъ полковыхъ и могъ быть знаемъ этими персонами; но что значить столь разнообразное ихъ появленіе? Почто взволновали душу мою столь дорогіе образы?..

Никому не сообщая о своихъ тайныхъ думахъ, владыка послалъ въ монастырь за неисправнымъ іеромонахомъ, чтобы онъ въ тотъ же день явился къ митрополиту въ опредѣленный часъ лично.

Со строгимъ взоромъ и нахмуреннымъ челомъ ждалъ владыка появленія прѣхавшаго къ нему виновнаго іеромонаха.

Отворивъ дверь покоя, гдѣ находился митрополитъ, келейникъ пропустилъ мимо себя высокаго монтейнаго старца, въ большой бородѣ, котораго сѣдина еще совсѣмъ не могла побороть чернаго цвѣта молодости, и онъ пробивался сквозь нее прядями. Помолвившись и облобызавъ руку владыки, іеромонахъ упалъ ему въ ноги и со слезами сталъ просить:

— Вѣмъ, владыко, почто звалъ еси мя! Не помяни грѣха моего! Студъ мой предо мною есть выну!.. Не лишай, владыко, благодати благословенія десницу, благословляющую Царя на битву!..

Эти слезы и слова старца взволновали митрополита и онъ, сдерживая волненіе, сказалъ ему:

— Встань... слабый... и скажи мнѣ, какъ протегла жизнь твоя и откуда ты произошелъ?

— Изъ причетническихъ дѣтей, владыко, а обучался въ Московской духовной академіи.

— Значить, ты долженъ помнить владыку Платона.

— Помнить, владыко!—вскликнулъ іеромонахъ, всплеснувъ руками, причемъ обильныя слезы снова полились изъ глазъ. — Владыку Платона помнить... Пусть прильпнетъ языкъ къ гортани моей, когда я забуду славить владыку Платона! Забудь меня Господь Богъ, когда я хотя разъ, отходя ко сну, забуду вознести мою молитву о владыкѣ Платонѣ!.. Онъ питалъ ко мнѣ отчую любовь; я былъ у него лучшимъ ученикомъ: владыка пророчилъ мнѣ высокую участь, но волею Создателя, я пошелъ въ бѣлое духовенство, а у владыки Платона явился другой, достойнѣйшій преемникъ Василій Михайловичъ Дроздовъ, звѣзда коего возсіяла и на комъ до сихъ поръ почиетъ благословеніе владыки Платона!..

Іеромонахъ, говоря это плакалъ; по лицу митрополита Филарета текли невольныя слезы при воспоминаніи о Платонѣ, нарекъшемъ его своимъ духовнымъ преемникомъ въ дѣлѣ проповѣдыванія Слова Божія.

— Дальше, дальше,—говорилъ Филареть.

— Дальше... Женился,—и суета мірская объяла меня... Что должно было расцвѣсть и принести плодъ—еще въ состояніи почки было пробито хладомъ мятежной жизни. При полкахъ протекало мое служеніе, и съ ними я отиравался въ великій походъ противъ предводителя галловъ съ и ними дванадесяти языкъ...

— Такъ, такъ... ну, и здѣсь ты имѣлъ случаи видѣться съ покойнымъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ?

— Неоднократно служивалъ я на походѣ благодарственные молебны о дарованныхъ нашему оружію побѣдахъ. Хотя меча въ руки не бралъ, но силою креста Господня трижды прогонялъ супостатовъ и, вознося его передъ строемъ дрогнувшихъ воиновъ, вливалъ новую бодрость и отвагу и вель на вражескіе окопы... Зѣло любимъ былъ я и простыми воинами и военачальниками, и самъ монархъ лобызалъ однажды меня въ уста, и слезы блестяи въ его добрыхъ глазахъ.

„Такъ вотъ ты каковъ!—подумалъ про себя Филареть, оглядывая крупную и сильную фигуру іеромонаха,—дѣйствительно, въ воинскомъ ставѣ такому священнику настоящее мѣсто“.

— Ты говорилъ вотъ,—военачальники тебя любили... Ты не при Кутузовѣ ли Смоленскомъ состоялъ?

— Не состоялъ при немъ, но былъ любимъ маститымъ княземъ. Когда въ нѣмецкой землѣ, въ городѣ Бунцлауѣ, сего предводителя постигъ внезапный и тяжелый недугъ,—я, недостойный, принялъ отъ него предсмертную исповѣдь и напутствовалъ его въ жизнь вѣчную.

„Такъ вотъ онъ каковъ—храбрый отецъ Иванъ!—думалъ владыка, созерцая мощную фигуру, стоящую теперь передъ нимъ, скорбно и смиренно согнувшись.—Многомятежна была его жизнь, и въ свое время былъ онъ истинный іерей Божій и много пользы принесъ... Не простое это „совнаденіе обстоятельствъ“. Не войду я въ судъ съ храбрымъ отцомъ Иваномъ, снизойду и прошу ему по глаголу Отца моего, по духу владыки Платона...

Сказавъ нѣсколько увѣщательныхъ словъ іеромонаху, владыка преподалъ ему благословеніе и отпустилъ.

— Иди и не прегрѣшай болѣе,—сказалъ ему митрополитъ Филареть, и послѣ того онъ попрежнему сталъ священнодѣйствовать, но отъ порока своего скоро со всѣмъ избавился*).

Если такъ заботятся небожители о проявившихъ свои подвиги на полѣ брани и оставшихся въ живыхъ, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ высшаго почета и заботы павшіе геройской смертію за отечество и ихъ родныя осиротѣвшія семьи.

Если великое дѣло умирать за своихъ друзей, то тѣмъ возвышеннѣе подвигъ умереть за всю свою родную отчизну, за милліоны людей, женъ и дѣтей. Этотъ подвигъ является подражаніемъ Самому Жизнодавцу Христу, умершему за спасеніе рода человѣческаго.

---

*) Прил. къ Корм. Лист. № 5.

Имена героев положивших жизнь свою за отечество не должны быть забытыми, они являются славой семьи и общества, благословением отечества. Имъ обязано потомство, ибо они своею геройскою смертью снаси его отъ иноземной неволи.

Заслуживаютъ перваго уваженія и заботы ихъ дѣти, жены и родители, въ жилахъ которыхъ течетъ ихъ родственная геройская кровь. Если бы они не пролили своей крови, то потомство могло быть въ неволѣ раздраженнаго, жестокаго, коварнаго и безбожнаго врага.

Судите сами, какая бы горькая участь постигла грядущія поколѣнія? Какъ же не позаботиться и не воздать должныя почести роднымъ героямъ отдавшимъ жизнь свою за благополучіе всего народа родного и его потомства.

Что можетъ быть дороже жизни человѣка? Ничто земное. А потому мы являемся неоплатными должниками предъ воинами героями положившими за насъ жизнь свою и предъ родными ихъ дѣтьми, родителями и женами.

Кому не суждено быть на ратномъ полѣ, то проявимъ любовь къ родной отчизнѣ, чрезъ отеческую заботу и материнскую любовь къ семьямъ родимыхъ намъ воиновъ—героевъ.

Игуменъ Серафимъ.

„Не должно падать духомъ въ дни тяжелыхъ испытаній“ *)

„Если же ты въ день бѣдствія, оказался слабымъ, то бѣдны силы твои“ (Прит. 3, 11).

Весьма тяжелыя времена приходится переживать всему Русскому народу. Когда вспомню видѣнное мною на пристани при проходахъ запасныхъ и ратниковъ, то сердце обливается кровью. Стонемъ стонали матери и жены, ревѣли дѣти, плакали старики и сами воины! У всехъ лица были задумчивы и грустны. Жестокая война наноситъ съ каждымъ днемъ все новыя и новыя раны. Уже безчисленное количество жертвъ унесено войной и требуется еще много новыхъ жизней. Весьма тяжелое и страшное бѣдствіе постигло насъ, но мы не должны приходить въ отчаяніе. Въ дни бѣдствія мы не должны быть слабыми духомъ, ибо малодушіе губить все. Наша

*) Слово произнесенное 19 марта 1916 года.